

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

З. В. УДАЛЬЦОВА. СОВЕТСКОЕ ВИЗАНТИНОВЕДЕНИЕ ЗА 50 ЛЕТ.

М., «Наука», 1969, 362 стр.

Византиноведение в Советском Союзе за какие-нибудь полстолетия прошло сложный и противоречивый путь развития, отмеченный огромными успехами. Наследник и продолжатель лучших традиций и достижений старой русской византиноведческой школы, советское византиноведение было создано на базе исторического материализма, на основе марксистско-ленинской идеологии, творчески примененной к изучению византийской истории. Оно развивалось в борьбе с пережитками и влиянием буржуазной византистики в СССР. Преодоление буржуазных концепций в этой отрасли исторической науки не является изолированным явлением. Оно связано с общим переустройством исторического фронта в СССР, с созданием марксистской историографии вообще.

Как известно, в течение нескольких лет после революции в советском византиноведении наступил застой, который объясняется рядом причин. Наиболее важной из них было сдержанное отношение советской власти к представителям русского буржуазного византиноведения, тесно связанным с царским самодержавием и православной церковью. Известную тормозящую роль сыграло здесь и нежелание некоторых старых ученых-византистов изменить свои взгляды. Часть их и в новых условиях оставалась на буржуазно-идеалистических и реакционных позициях. Однако независимо от этого, в СССР продолжало работать много ученых, постепенно создавались новые кадры, возникали центры, которые направляли и координировали усилия значительного отряда историков-византистов.

Признаком возрастающей активности советских византистов явилось издание первого марксистского курса лекций по истории Византии проф. М. В. Левченко, подготовка «Византийского сборника». Особенно большое значение имело восстановление печатного органа византистов — «Византийского временника», 31 том которого вышел в свет к настоящему времени.

За сравнительно короткий период после второй мировой войны советское византиноведение заметно развилось и заняло подобающее ему место в международной византистике. Авторитет советской науки особенно возрос после опубликования трудов (монографии, статьи, публикации источников и др.) по социально-экономической, политической и культурной истории Византии. Написанные на высоком научном уровне, насыщенные обильным фактическим материалом, интерпретированным с позиций марксизма-ленинизма, эти работы были важны не только для разрешения ряда проблем многообразной и богатой византийской истории, но имели и большое теоретическое значение. Эти труды в своем большинстве представляют образец творческого применения марксистско-ленинской идеологии к конкретному историческому материалу. Они, несомненно, оказали огромное влияние на ученых-марксистов социалистических стран и на прогрессивных ученых капиталистического мира.

Венцом развития советской византистики явилось опубликование коллективного труда — «Истории Византии» в трех томах (М., 1967). В нем обобщены в первую очередь результаты исследований советских ученых, а также использованы достижения византистики в международном масштабе.

* * *

Различным периодам богатой истории советской медиевистики, и в частности советского византиноведения, посвящен целый ряд обзорных статей и исследований¹. Недавно вышла из печати монография по истории советской медиевистики, в которой

¹ См., например: З. В. Удальцова, Г. Г. Литаврин. Советское византиноведение в 1955—1960 гг. — ВВ, XXII, 1963, стр. 3—79; З. В. Удальцова. Византиноведение в СССР после Великой Октябрьской социалистической революции (1917—1934 гг.). — ВВ, XXV, 1964, стр. 3—31 и др.

значительное место уделено и византиноведению². Однако наиболее полно история советской византистики рассмотрена в книге «Советское византиноведение за 50 лет» известного советского историка З. В. Удальцовой, многолетнего руководителя сектора византиноведения Института истории АН СССР (в настоящее время — сектор истории Византии Института всеобщей истории АН СССР).

Рецензируемая книга представляет собой объемистый труд, разделенный на три части. В ней имеются также предисловие, указатель имен и список наиболее важных сокращений.

Первая часть (стр. 9—40) посвящена истории советского византиноведения с 1917 г. до конца 30-х годов. В ней дается критическая оценка деятельности и трудов византистов, работавших в этот период.

Как отмечает автор, характерным для тех лет было то обстоятельство, что в Советской России продолжали работать ученые старой школы, которые, хотя и принадлежали к буржуазно-позитивистскому направлению исторической науки, в общем относились лояльно к Советской власти. Только отдельные ученые эмигрировали на Запад. Деятельность византистов старой школы после 1917 г. получила разноречивые оценки, в которых в значительной степени отразилась борьба мнений по вопросу об отношении к наследству дореволюционной науки. Автор отмечает здесь в основном две точки зрения: с одной стороны, этой деятельности давалась панегирическая оценка, принадлежащая византистам, которые сами вышли из старой школы. С другой стороны, все чаще стали критиковаться политические и методологические позиции старого византиноведения, подниматься голоса за создание новой, марксистской византистики. Такие ученые, как Г. Н. Лозовик и Ф. И. Шмит, указывая на связь дореволюционной византиноведческой науки с политическими устремлениями русского царизма и необходимость коренной ее перестройки, намечали в своих историографических обзорах пути создания марксистского византиноведения.

В этой части книги рассмотрены по проблемам труды акад. Ф. И. Успенского, который в послереволюционный период своей научно-исследовательской деятельности написал около 40 работ. Наряду со строгой научной критикой, которой З. В. Удальцова подвергает его буржуазно-позитивистские и реакционные взгляды, автор отмечает также и огромные заслуги этого колосса русского византиноведения. В этот период была опубликована первая половина второго тома его фундаментального труда «История Византийской империи» (1927 г.). Основное внимание Ф. И. Успенского в других его работах было направлено на решение таких групп проблем, как судьбы Трапезундской империи, значение монгольского завоевания для европейских стран, византино-русские отношения в IX—X вв. Большие заслуги имел акад. Успенский и в организации научно-исследовательской работы в Академии наук. Отмечая значение трудов Ф. И. Успенского, особенно по истории Трапезундской империи, автор основательно критикует его буржуазно-позитивистские взгляды и его попытку возродить традиции дореволюционного византиноведения.

Правильно охарактеризована история этого периода: вначале все еще отсутствовали марксистские кадры, влияние марксистской идеологии начало осязательно чувствоваться только с конца 20-х—начала 30-х годов. Это влияние проявилось прежде всего в тематике исследований. Начинается разработка проблем социально-экономической истории Византии. Здесь справедливо упомянуты труды И. И. Соколова (о крупном землевладении в Фессалии), А. Ф. Вишняковой (о монастырской собственности и развитии феодальных отношений в Византии в XIII в.) и др.

Объектом наиболее острой критики автора явилась научная деятельность А. А. Васильева. Справедливо указывается, что этот чуждый марксизму ученый понимал феодализм как политико-юридическую систему, принесенную в Византию с Запада. А. А. Васильеву были присущи эклектизм в области методологии, боязнь обобщений, равнодушие к вопросам классовой борьбы, преувеличение роли церкви в истории Византии. Он собрал интересные сведения о русско-византийских культурных связях, но явно преувеличивал влияние империи на Древнерусское государство. Крестовые походы он трактовал с провизантийских позиций, западные источники использовались им значительно меньше, чем византийские.

В этот период разрабатывались и проблемы византийской культуры. Однако попытка П. В. Безобразова написать обобщающий труд по истории византийской культуры оказалась неудачной. Его книга была проникнута духом идеализации императорской власти и церкви, быт и нравы в Византии были освещены поверхностно. Несмотря на свою занимательность, эта книга, по мнению З. В. Удальцовой, не содержала глубокого анализа сложных явлений византийской культуры.

Несомненно успешными были исследования В. Е. Вальденберга по истории политической и философской мысли в Византии. Основная идея, проводимая и ревностно отстаиваемая в его работах, заключалась в доказательстве самостоятельного характера развития и научной оригинальности византийской философии и политической идеологии. Он доказывал, что византийская культура не была застойной, что она развивалась, что византийская философская мысль оказала влияние на западную философию. Однако

² О. Л. Вайнштейн. История советской медиевистики (1917—1966). Л., 1968, стр. 70—81, 183—231, 361—412. Сюда включено и славяноведение.

В. Е. Вальденберг, как пишет З. В. Удальцова, был не в состоянии выяснить социальные корни византийской философии. Заслуживают интереса и его исследования об античных корнях византийской философии и о проникновении византийской политической мысли на Древнюю Русь.

В книге дается также четкая оценка научной деятельности русских ученых в области византийского искусства. В тот период работали такие видные искусствоведы, как Д. В. Айналов, Ф. И. Шмит, Л. А. Мацулевич. Начали свою научную деятельность и искусствоведы более молодого поколения (В. Н. Лазарев, М. В. Алпатов, Н. И. Брунов).

В те годы были изданы некоторые источники, продолжались занятия византийской палеографией. Известные успехи были достигнуты в области вспомогательных дисциплин — византийской сфрагистики, эпиграфики, нумизматики.

В 30-х годах происходит перелом в деле создания марксистского советского византиноведения. Этот перелом чувствовался прежде всего в постановке важных теоретических проблем. Справедливо отмечаются работа А. К. Бергера о зилотах и заслуги Е. Э. Липшиц, выступившей со своей концепцией генезиса византийского феодализма еще в 1933 г. Значение этих работ как первых шагов настоящего марксистского византиноведения по преодолению идейной ограниченности буржуазной науки огромно. Независимо от спорного характера постановки некоторых вопросов упомянутыми авторами, их роль в формировании марксистского взгляда на исторический процесс в Византии является весьма значительной.

Вторая часть книги («Становление советской византиноведческой науки и ее первые успехи, конец 30-х—середина 50-х годов») разделена на четыре главы.

В первой главе автор хорошо показывает тот сложный путь, который предстояло пройти советскому византиноведению. Преодолевая влияние идей русской буржуазной византистики, ведя борьбу против разработки мелких, незначительных тем, советское византиноведение нацелилось на разрешение основных, важных проблем византийской истории. Однако при этом возникла реальная опасность впасть в грубое социологизирование, отойти от изучения источников, строить схемы, недостаточно подкрепленные конкретным фактическим материалом. Здесь подчеркивается положительное значение создания византиноведческих центров (ленинградского и московского), которые объединили усилия советских ученых, руководили их деятельностью. Общим направлением становится разработка социально-экономической истории Византии, расширение исследований в различных областях византиноведения, преодоление «европоцентризма», показ огромного значения византийского государства для ряда стран Восточной и Юго-Восточной Европы, осмысление того факта, что изучение исторического процесса в Византии способствует разрешению общих теоретических проблем истории феодализма. Значительную роль в координации усилий советских ученых и в определении основных направлений в развитии советского византиноведения сыграли научные сессии, на которых разгорались острые споры и дискуссии по основным проблемам византистики. В этот период проводилась большая и сложная научно-организационная работа, принимались меры для подготовки новых кадров.

Далее в монографии дается оценка достижений советских византистов в области исследования социально-экономической проблематики.

Как известно, дореволюционной византологии также не было чуждо изучение проблем внутренней истории Византии, но исследования в этом направлении велись с других идеологических позиций. Советская византистика поставила перед собой задачу раскрыть глубинные причины и движущие силы исторического процесса, изучить явления базисного характера. Это обстоятельство привело до известной степени к пренебрежению изучением культурной истории империи. Но независимо от этого, как правильно отмечено в монографии, советская наука достигла значительных успехов.

В первую очередь автор прослеживает отношение советских ученых к одному из важнейших вопросов, по которому до сих пор нет единой точки зрения, — к проблеме перехода от рабовладельческого строя к феодальному. Над решением этой проблемы работают как византисты и медиевисты, так и историки-античники. Автор правильно отмечает, что процесс перехода от рабовладельческого строя к феодальному протекал в Византии вследствие ряда особенностей ее развития значительно сложнее, чем в Западной Римской империи. Детально прослеживается ход дискуссии по вопросу о переходе Восточной Римской империи от рабовладельческого строя к феодальному. Во время дискуссии были выполнены несомненно ценные исследования, накоплен интересный материал. Здесь отмечаются заслуги М. В. Левченко, Н. В. Пигулевской и др.

С этой сложной проблемой связана и проблема периодизации византийской истории, определение времени перехода от рабовладельческого к феодальному способу производства. Существуют различные точки зрения, которые определяют время этого перехода с разницей в несколько столетий.

К проблемам истории ранневизантийского периода относится и вопрос о классовый борьбе, о народных движениях в Византии (IV—VII вв.). В этой области, как правильно отмечает автор, советские византисты были пионерами. Ценные исследования выполнены З. В. Удальцовой, А. Д. Дмитриевым, Н. В. Пигулевской, Г. Г. Дилигенским и др. Вместе с тем в монографии высказывается ряд справедливых критических замечаний по адресу некоторых авторов, которые любой ценой пытались

открыть «революцию рабов» и найти «союз» между местным населением и нахлынувшими варварами, даже когда такой «союз» отсутствовал (стр. 61). На наш взгляд, следовало бы еще четче отметить вредное воздействие догматического определения перехода от рабовладельческого строя к феодальному и роли народных движений на исследовании этой проблематики. Думается, что под влиянием этой концепции советские ученые, несмотря на то, что ими была проделана огромная исследовательская работа и собран богатый материал, часто были вынуждены делать неправильные выводы.

Особое место при изучении классовой борьбы в ранневизантийский период занимает проблема димов и партий. Как известно, над этим своеобразным явлением в византийской истории работали многие ученые, как буржуазные, так и марксисты. В монографии З. В. Удальцовой отдано должное заслугам советского ученого А. П. Дьяконова, который внес чрезвычайно большой вклад в выяснение характера, функций и социального состава этих городских организаций. Его концепция, получившая почти полное признание, была впоследствии дополнена и уточнена другими советскими византинистами. В изучение этого вопроса советская историография сделала бесспорный вклад, хорошо отраженный в книге З. В. Удальцовой.

В своем труде автор уделит внимание работам советских историков и археологов по проблеме взаимоотношений империи со славянами и другими варварскими народами в эпоху гибели рабовладельческого строя.

Отдельная глава монографии посвящена дискуссии, которая была проведена на страницах «Вестника древней истории» в 1953—1956 гг. в связи с изучением разложения рабовладельческого строя в Римской империи. В этой дискуссии приняли участие как античники, так и медиевисты. Хотя в результате ее так и не было достигнуто единой точки зрения, дискуссия имела большое значение, показав степень изученности проблемы. Была сделана попытка в общих чертах сконструировать схему перехода от рабовладельческого строя к феодальному: «Кризис рабовладельческой системы начался во II в. и достиг своего апогея в III в. Тем не менее Поздняя Римская империя еще не была феодальной: рабство сохранялось даже после падения империи на Западе. Но зародыши феодализма имелись налицо: мелкое производство становилось наиболее выгодной формой земледелия; колонат и перевод рабов на пекулий получали все большее распространение» (стр. 82).

Важное место в книге З. В. Удальцовой занимает обзор советской литературы по социально-экономическим проблемам истории Византии. В этом разделе, на наш взгляд, дан глубокий анализ научного вклада советских ученых. Действительно, в настоящее время нельзя представить советскую науку без исследований Е. Э. Липшиц (о «Земледельческом законе» и аграрных отношениях в VII—IX вв., о павликианстве, восстаниях Фомы Славянина), А. П. Каждана (о законодательстве императоров Македонской династии в защиту сельской общины, о восстании Василия Медной руки, об аграрных отношениях в Византии в XIII—XIV вв. и др.), З. В. Удальцовой (о внутренних причинах падения Византии в XV в.), М. Я. Сюзюмова, Б. Т. Горянова, К. А. Осиповой и многих других. Автор правильно отмечает огромный вклад советских ученых в изучение аграрных отношений, иконоборчества, истории классовой борьбы и др. За сравнительно короткий период времени многие из этих вопросов получили марксистское освещение. В разработке ряда проблем советские византинисты были пионерами, проделав работу, которая, несомненно, стимулировала изучение истории Византии в тех же направлениях учеными других стран. Эти работы получили положительную оценку не только в СССР, но и за рубежом.

Верно освещение автором и этапов изучения сравнительно неразработанной области — истории византийского города. В монографии удачно показан вклад советских византинистов в интерпретацию уникального памятника — «Книги эпарха», в исследование характера византийских торгово-ремесленных цеховых организаций, развития византийского города. Очерчены различия в концепциях развития византийского города: теория континуитета (М. Я. Сюзюмов, Е. Э. Липшиц) и точка зрения А. П. Каждана об упадке византийских городов в период VII—IX вв. В зависимости от этих концепций советские ученые определяют структуру и характер византийских цеховых организаций, применение в них рабского труда, значение контроля со стороны государственной власти, регламентацию производства, конкуренцию между цеховыми мастерами и т. д.

Эти концепции служат водоразделом и при анализе византийского права. Советские ученые различно оценивают, например, такой важный юридический памятник, как «Василики» (как действующее право или как мертвую компиляцию римского права).

В книге З. В. Удальцовой уделено место и тем результатам, которых достигли советские ученые — византинисты, туркологи и слависты, анализируя причины падения Византии в XV в. Нам представляется, что определенная заслуга в этом принадлежит З. В. Удальцовой, которая в ряде статей исследовала глубокие внутренние причины падения тысячелетней империи под ударами османов. На основе изучения сведений поздневизантийских историков (Критовул, Сфрандзи, Дука и Халкокондил) она показала противоречия в византийском обществе, экономическую экспансию итальянских торговых республик, политику папства и т. д.

Характер османского завоевания, общественный строй османского государства, сопротивление балканских народов туркам хорошо освещены в работах А. С. Твериновой, И. С. Достян и др.

Важной темой, затронутой в монографии, являются отношения между Византией и ее соседями. На первом месте, естественно, стоят отношения и связи между Византией и Древней Русью. Отмечается крупный вклад советской медиэвистики в изучение этих вопросов. Здесь следует специально указать на наличие первоклассных русских источников, которые при сопоставлении с данными византийских памятников позволяют сделать ряд уточнений в истории русско-византийских отношений. При разработке этих вопросов объединяются творческие усилия и византийских, и славистов. В результате внимательного анализа источников, как отмечает З. В. Удальцова, советские историки пришли к выводу, что походы русских на Византию были предприняты еще до 860 г. Этим была опровергнута датировка иностранных ученых и вновь доказан факт существования Древнерусского государства, возникшего независимо от появления здесь династии Рюриковичей; советские ученые еще раз вскрыли несостоятельность норманнской теории происхождения русского государства.

Советские исследователи способствовали также изучению торговых и культурных связей между Византийской империей и средневековым Русским государством. Эти связи стали еще более интенсивными после принятия Киевской Русью христианства.

Известный вклад был внесен и в уточнение хронологии походов Святослава в Болгарию, в изучение характера отношений между болгарами и русскими и их союза против Византии.

В этот период внимание советских ученых было привлечено также к отношениям Византии с южными славянами. Заслуженная оценка дана диссертации Г. Г. Литаврина, посвященной борьбе болгарского народа против византийского ига. Была проделана интересная работа по изучению экономической жизни в Дубровнике (А. П. Каждан).

З. В. Удальцова исследовала, в основном по данным Критувула, экономическое развитие балканских народов в XV в. Заслуживает внимания вывод автора о том, что накануне турецкого завоевания в Болгарии и Сербии существовали большие города, в которых процветали ремесло и торговля, развивалась своеобразная культура.

Далее в книге дается обзор советской историографии по вопросам связей Византийской империи с народами Крыма, Закавказья, Средней Азии, отношений Византии с Востоком и западными странами.

Четвертая глава посвящена изучению византийской культуры. В ней дан обзор исследований советских историков по византийской материальной и духовной культуре, науке и искусству. В своих трудах советские византисты останавливают внимание на формировании идеологии византийского общества, изучают историю политических и социальных идей, развития научной мысли, философско-религиозной борьбы и т. д.

В этот период были написаны ценные работы об отдельных представителях византийской культуры (например, исследования З. В. Удальцовой о Проконии Кесарийском и Виссариеоне Никейском, М. В. Левченко о Синесии Киренском и Агафии Миринейском, Е. Э. Липшиц о патриархе Никифоре и др.).

Важными являются исследования Е. Э. Липшиц о византийской культуре VIII — IX вв. Она выступила против прежней точки зрения на характер византийской культуры, против представлений о так называемых темных веках византийской культуры. Согласно Е. Э. Липшиц, византийская культура в этот период имела более светский характер, чем это обычно принято считать. Наличие таких выдающихся ученых и мыслителей, как Лев Математик, Иоанн Грамматик, патриарх Никифор, Игнатий и др., отнюдь не свидетельствует об упадке византийской культуры. Светская струя отмечается ею и в творчестве византийской поэтессы Касии. Этюды Е. Э. Липшиц опубликованы в ее книге «Очерки истории византийского общества и культуры (VIII — первая половина IX века)». М.—Л., 1961³.

Заслуга в выяснении идейной направленности такого чрезвычайно важного явления, каким было иконоборчество, принадлежит М. Я. Сюзюмову.

При изучении поздневизантийского периода выполнены отдельные исследования о философии и политических взглядах Георгия Гемиста Плифона, Виссариеона Никейского и др.

З. В. Удальцова правильно отмечает, что история византийской литературы в тот период была все еще слабо разработана советскими учеными.

В области искусствоведения выдвинулись такие ученые, как В. Н. Лазарев, который написал «Историю византийской живописи». В этом капитальном труде, как правильно отмечает З. В. Удальцова, наряду с другими его достоинствами, автор сумел определить специфику византийского искусства, его стилистические особенности, изучить взаимодействие искусства Византии и других стран.

В области византийской и древнерусской архитектуры работали Н. И. Брунов, М. К. Каргер, а в области прикладного искусства — Л. А. Мапулевич, А. В. Банк и др.

Третья часть монографии охватывает историю советского византиноведения с 1955 по 1967 г. Теперь, по удачному определению автора, советское византиноведение вступает в свой зрелый период. Действительно, меры, предпринятые в научно-организационном отношении, заботы по улучшению методов научно-исследовательской работы,

³ См. нашу рецензию на книгу Е. Э. Липшиц, — «Известия Института за история», т. 13, 1963, стр. 283—291.

созданию новых кадров, усилению контактов с другими странами и пр. дали свои результаты. В этот период имело место полное проявление сил и творческих возможностей советских византинистов.

В советской науке был вновь поставлен вопрос о генезисе феодализма. В монографии значительное место уделено дискуссии по этой проблеме. Как известно, проблема феодализма в Византии является одной из наиболее важных. Марксистская историография рассматривает историю Византии как историю феодального общества. Большинство буржуазных ученых отрицают наличие феодальных отношений в Византийской империи, акцентируя внимание на особенностях развития империи, стремясь доказать тезис о совершенно своеобразном пути развития Византии, отрицая теорию прогрессивной смены одной общественно-экономической формации другой. Те же ученые, которые признают в Византии наличие феодализма, считают, что он был перенесен сюда из Западной Европы.

Несмотря на общую методологическую основу, из которой исходят советские византинисты, между ними существуют некоторые расхождения по вопросу о генезисе феодализма в Византии. Эти расхождения детально прослежены в монографии.

В связи с вопросом о генезисе феодализма и переходе от рабовладельческого к феодальному способу производства проведены серьезные исследования роли рабства в переходный период (IV—VI вв.). Здесь советская наука достигла определенных успехов (монографии Э. В. Удальцовой, Г. Л. Курбатова, Г. Г. Дилигенского, И. Ф. Фихмана и др.).

Изучение аграрных отношений продолжалось и в этот период. Одной из кардинальных проблем оставалось выяснение особенностей в развитии феодальных отношений в Византии. Советские византинисты показали роль и место сельской общины в процессе феодализации, а также историческую роль славян и славянской общины. Разумеется, при исследовании этой проблематики принимались во внимание локальные особенности общины в отдельных областях империи. Особенно большие заслуги в изучении этих вопросов имеют Е. Э. Липшиц, М. Я. Сюзюмов и др. Общая характеристика аграрных отношений в VIII — первой половине IX в. дана в монографии Е. Э. Липшиц («Очерки истории византийского общества и культуры»). Ценные данные для более позднего периода (IX—X вв.) содержатся в книге А. П. Каждана («Деревня и город в Византии»). Особое значение имеют его (а также К. А. Осиповой) исследования о подчинении общины государством, о централизованной феодальной ренте, уплачиваемой государственными крестьянами, о системе аллиленгий, о роли пустующих и заброшенных земель (класма) и многие другие.

Советские ученые пришли к выводу, что в XI в. в Византии уже были налицо полностью сформировавшиеся феодальные отношения. Эти отношения не были результатом влияния Запада, они не были принесены с Запада, а явились плодом естественного развития византийского общества.

Феодальные отношения XI—XII вв. проанализированы в трудах Г. Г. Литаврина⁴, А. П. Каждана, М. М. Фрейденберга и др., а для периода XIII—XIV вв. — А. П. Каждана, Б. Т. Горянова⁵, К. В. Хвостовой и др. В них обстоятельно изложены причины разорения мелких сельских собственников и перехода их в феодальную зависимость, охарактеризован статут отдельных категорий крестьян, пути создания крупных светских и монастырских феодальных имений.

Велики достижения советской науки в разработке истории и уточнении сущности различных феодальных институтов. Здесь необходимо напомнить об огромной литературе, накопленной в результате исследования дискуссии. В разгоревшемся научном споре некоторые советские ученые высказали свои соображения о характере дискуссии, ее значении в усилении власти феодалов над крестьянами и использовании ими внеэкономического принуждения, о том, насколько этот институт соответствует западноевропейскому иммунитету и т. д. При оценке дискуссии, разумеется, принималась во внимание одна существенная особенность византийского феодализма — сохранение сильной центральной власти.

Успешно разрабатывались и проблемы, связанные с такими специфически византийскими явлениями, как прония и харистики. Советские ученые — А. П. Каждан, Г. Г. Литаврин, К. В. Хвостова и другие внесли определенный вклад в теоретическое истолкование этих институтов.

Вообще эта глава монографии написана четко и с большой компетентностью. Автор детально проследил высказанные точки зрения и отметил существующие в них различия.

Э. В. Удальцова правильно констатирует, что поздневизантийский феодализм, несмотря на достигнутые результаты, все еще нуждается в изучении. Исследования в этом направлении продолжаются и ведутся с учетом наличия в византийском феодализме XIII—XV вв. раннекапиталистических элементов.

⁴ См. рецензию П. Тивчева на книгу Г. Г. Литаврина «Болгария и Византия в XI—XII вв.» (М., 1960). — «Исторически преглед», XVIII (1962), кн. 5, стр. 87—93.

⁵ См. рецензию Стр. Лишева и П. Тивчева на книгу Б. Т. Горянова «Поздневизантийский феодализм» (М., 1962). — «Исторически преглед», XIX (1963), кн. 2, стр. 138—141.

Как подчеркнула З. В. Удальцова в заключении к этой главе, основным направлением в исследованиях советских византинистов остается углубленная разработка широкого комплекса проблем, связанных с зарождением, развитием и специфическими особенностями феодализма в Византии.

Как уже было отмечено, советские византинисты занимают первое место в изучении византийского города. При исследовании периода разложения рабовладельческих отношений ценная работа была проделана М. В. Левченко, Н. В. Пигулевской, Г. Л. Курбатовым, И. Ф. Фихманом и др. История византийского города обогатилась и исследованиями для периода VII—XII вв. (А. П. Каждан, М. Я. Сюзюмов, Е. Э. Липшиц и др.). Значительная группа советских ученых придерживается положения, согласно которому в VII—IX вв. в византийских городах наступил большой упадок и только отдельные, наиболее крупные, центры (Константинополь, Фессалоника и др.) сохранили свою экономическую силу. Однако и тезис о континуитете между античным и византийским городом продолжает еще иметь своих приверженцев. Решение этого дискуссионного вопроса находится в известной зависимости от решения вопроса о периодизации византийского феодализма. Ответ на него может быть дан лишь в результате полного привлечения нового материала, особенно археологического. Необходимо также уточнить содержание понятия «континуитет».

В советской историографии сравнительно меньше внимания было уделено поздне-византийскому городу. Здесь на первом месте стоит вопрос о наличии капиталистических элементов в экономике византийских городов XIII—XV вв. Истории поздне-византийского города были посвящены статьи А. П. Каждана, З. В. Удальцовой, Б. Т. Горянова, И. П. Медведева и др. По справедливой оценке З. В. Удальцовой, проблема поздневизантийского города нуждается в дальнейшей разработке.

В отдельной главе рассмотрены исследования советских ученых по истории классовой борьбы в Византии. Народным движениям IV—VI вв. посвящены статьи А. Д. Дмитриева, Г. Л. Курбатова и др. Павликианство являлось объектом исследования таких ученых, как К. Н. Юзбашян, Р. М. Бартиян и др. Г. Г. Литаврин написал статью по истории классовой борьбы в болгарских землях в XI в. Он установил антифеодальные тенденции в болгарском народно-освободительном восстании 1040 и 1072 гг.

Неоднократно изучался советскими учеными (Н. П. Соколов, М. М. Фрейденберг, Г. Г. Литаврин, М. Я. Сюзюмов, К. Н. Юзбашян и др.) весьма интересный вопрос о правлении византийского императора Андроника I Комнина (1183—1185) и обострении классовой борьбы в его царствование.

Попытку пересмотра оценки движения зилотов в середине XIV в. предпринял М. Я. Сюзюмов.

З. В. Удальцова затрагивает в своей монографии также историю изучения в советской науке византийского государства и права. Можно полностью присоединиться к оценке автора, согласно которой и здесь имеются важные работы (например, о законодательстве Юстиниана, «Эклоге» и др.).

В этот период продолжала интенсивно разрабатываться история русско-византийских отношений. В объемистом разделе дано исчерпывающее изложение посвященных этим вопросам работ советских ученых, которые исследовали границы и значение византийского влияния на русскую культуру. Заслуживает внимания следующий вывод З. В. Удальцовой. Русские действительно активно воспринимали некоторые достижения византийской культуры. Византийское влияние прослеживается, например, в области военного дела, архитектуры и живописи. «Вместе с тем советские ученые, пользуясь новыми техническими методами исследования предметов материальной культуры, а также архитектурных памятников и произведений живописи, добились значительных результатов в установлении подлинных границ византийского культурного влияния на Руси и выявлении оригинальных черт самобытного русского искусства. Большинство исследователей пришло к заключению, что положительное культурное воздействие Византии сочеталось на Руси с творческой переработкой и дальнейшим развитием вывезенных образцов и усвоенных методов работы в соответствии с местными традициями, потребностями и навыками» (стр. 241).

Активно работали советские византинисты и в области изучения византийско-славянских отношений. Наряду с другими работами по истории южных славян справедливо отмечены, нам думается, заслуги Г. Г. Литаврина и А. П. Каждана в разработке проблем болгаро-византийских отношений.

Глава седьмая посвящена Византии и Западу в системе международных отношений средневековья. В своих трудах советские ученые опровергли реакционную концепцию «противоположности между консервативным Востоком и прогрессивным Западом». В этой главе рассмотрены исследования отношений между Византией и варварскими народами на Западе, между православной и католической церквями, итоги изучения крестовых походов и роли папства в разгроме Византии в начале XIII в., соперничества между империей и Венецией, борьбы вокруг заключения унии между двумя церквями и т. д. По всем этим проблемам, как показано в монографии, советскими учеными была проделана значительная работа.

Глава восьмая посвящена советским исследованиям по вопросу об отношениях между Византийской империей и восточными народами (персы, арабы, турки и др.).

Следующая глава монографии касается экономических, политических и культурных связей Византии с народами Кавказа и Средней Азии. Особенно большая актив-

ность в исследовании этой проблемы была проявлена византинистами Грузии и Армении. Так, например, в Грузии С. Г. Каухчишвили (к моменту выхода в свет книги З. В. Удальцовой) опубликовал пять томов сведений византийских писателей об этой стране в серии «Георгика». Греческие тексты сопровождаются здесь грузинским переводом. В этой серии С. Г. Каухчишвили осуществил новую публикацию типика Бачковского монастыря Григория Бакуриани («Georgica», т. V. Тбилиси, 1963).

Ценные исследования, затрагивающие и средневековую болгарскую историю, принадлежат Р. М. Бартияну.

В монографии уделено также место работам советских византинистов о связях Византии и Крыма (глава X).

Особого внимания заслуживает глава XI («Византийская литература и проблемы источниковедения»). В этой сравнительно слабо разработанной области советского византиноведения советская наука сделала быстрые и успешные шаги.

В книге проанализированы такие значительные труды, как «История греческой литературы», т. III; «Литература византийского периода» (Тбилиси, 1963, на грузинском языке) С. Г. Каухчишвили, являющаяся первой в советской историографии попыткой написать обобщающий труд по византийской литературе; работы о поэме «Дигенис Акрит» А. Я. Сыркина и др.; великолепные этюды об отдельных писателях А. П. Каждана (о Продолжателе Феофана, Скилице, Льеве Дьяконе, Иоанне Киннаме, Никите Хониате, Евстафии Солунском и др.). Даются также сведения о впервые изданных источниках, некоторые из которых имеют отношение и к болгарской истории (например, Григорий Антиох). В этой главе сообщается также о проделанной советскими византинистами работе по написанию пособия по византийскому источниковедению, публикации источников в серии «Памятники средневековой истории народов Центральной и Юго-Восточной Европы». В этой полезной серии в русском переводе изданы такие источники, как «История» Феофилакта Симокатты, анонимная Псамафийская хроника (Vita Euthymii), «Взятие Фессалоники» Иоанна Камениаты, «Книга епарха»⁶, «Алексиада» Анны Комниной и др. Вне этой серии опубликованы и другие источники (например, «Геопоники»).

В ряде следующих разделов дается обзор трудов в области византийской палеографии (Е. Э. Гранстрем и др.), греческой эпиграфики и сфрагистики, археологии и нумизматики.

В последней главе дан обстоятельный обзор изучения византийского искусства (стр. 321—338).

В кратком, но исключительно содержательном заключении автор обобщает результаты научно-исследовательской деятельности советских византинистов за половину века, классифицируя достигнутые результаты по проблемам. Одновременно в заключении намечена широкая программа будущей работы, новых проблем, которые предстоит разработать, применения новых методов исследования, издания неопубликованных источников и т. д.

Едва ли возможно на нескольких страницах осветить книгу такого характера, изобилующую большим числом данных и имен, насыщенную проблемами и обширной информацией об их решении. Но и из такого краткого обзора видно, что автор поставил перед собой и разрешил исключительно трудную задачу — написать историю советского византиноведения за половину столетия. Следует отметить, что эта задача разрешена успешно. Перед нами находится не обычный библиографический справочник о научной продукции советских византинистов. Это не сухое перечисление заглавий, а книга, основанная на отличном знании проблем, написанная с большой компетентностью и четким анализом материала. Этому способствовало то обстоятельство, что сам автор является крупным исследователем византийской истории.

К достоинствам работы необходимо добавить также хорошую систематизацию материала — монография написана и по периодам за полувек историю советского византиноведения, и по проблемам.

Автору удалось уловить наиболее важное, существенное при оценке работ и сделать в нужных местах соответствующие критические замечания.

Читатель получает представление об истории советского византиноведения, его вкладе в разработку важнейших проблем и одновременно о вкладе советских ученых в изучение истории средневековой Болгарии. Хорошо и то, что автор наметил пути развития советского византиноведения в будущем.

Книга З. В. Удальцовой имеет большое значение и как справочник, и как труд, который позволяет ориентироваться в состоянии не только советского, но и международного византиноведения, в проблемах и направлениях развития этого важного отдела медиевистики.

Петр Вл. Тивцев

⁶ См.: П. Тивцев. Ценен извор за социално-икономическата история на Византия («Византийская книга епарха», вступительная статья, перевод, комментарий М. Я. Сюзюмова. М., 1962, 294 стр.). — «Исторически преглед», XIX, 1963, кн. 5, стр. 122—126.